

ЗАКОНЪ БОЖІЙ ВЪ КАДЕТСКИХЪ КОРПУСАХЪ.

Кадетскимъ корпусамъ надо отдать справедливость въ томъ отношеніи, что въ нихъ болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, сохранились слѣды эпохи реформъ. Нельзя сказать, чтобы реформы, производимыя въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, всегда приводили къ улучшеніямъ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, но наличность исканія улучшеній несомнѣнна. Въ самомъ дѣлѣ, преобразование въ кадетскомъ ученіи и воспитаніи не рѣдкость; такъ, между прочимъ, въ 1911 году Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній составлены учебныя программы корпуснаго курса, а въ текущемъ году появилась програма Закона Божія и въ дополненіе къ ней военно-учебнымъ вѣдомствомъ изданы ¹⁾ руководящія указанія относительно постановки преподаванія этого предмета.

Въ дѣятельности школы, взявшей на себя заботу о религіозномъ назиданіи своихъ воспитанниковъ, не можетъ быть болѣе серьезнаго и отвѣтственнаго вопроса, чѣмъ вопросъ о постановкѣ преподаванія Закона Божія. Въ области любого изъ прочихъ учебныхъ предметовъ ошибки въ построеніи программы и приѣмахъ

¹⁾ Циркуляръ 12-го февраля 1913 г., № 6.

прохожденія курса всегда поправимы и не грозятъ бѣдой будущему учениковъ. Если теоріи, господствующія въ извѣстной наукѣ, вслѣдствіе новыхъ открытій и изслѣдованій, рушатся и уступаютъ мѣсто новымъ ученіямъ, ученику, усвоившему ихъ въ соотвѣтствующемъ школьномъ курсѣ, придется переучиться на современный ладъ, но ни разумъ, ни душевное состояніе чловѣка не потеряютъ отъ этого своего равновѣсія. Иное пришлось бы сказать относительно области Закона Божія, и потому постановка этого предмета должна быть соображена устойчиво и предусмотрительно. Въ разсматриваемой области можетъ быть мѣсто только вѣрѣ въ Бога, какъ самодовлѣющему центру, хранящему свою кристалльную чистоту и огражденному отъ всякаго слѣда подчиненнаго служенія сосѣдствующимъ цѣлямъ.

Именно такъ было поставлено религиозное назиданіе юношества въ отжившихъ свой вѣкъ военныхъ гимназіяхъ. Невольно мысль уносится въ далекое дѣтство и въ сердцѣ живо чувствуешь признательность къ воспитавшей насъ школѣ, тепло и безхитростно хранившей и питавшей въ насъ простодушную вѣру и искреннюю религиозность. Какъ на яву, встаетъ ласковый обликъ о. діакона, законоучителя младшихъ классовъ, и точно вновь слышится его звонкій теноръ, зовущій за вечерней въ субботу: «Возстаните! Владыко, благослови!» Иной разъ забудешь, бывало, перекреститься въ эту минуту и, глянувши на сосѣда, даже улыбнешься; но не дурная то бывала улыбка: въ ней сказывалась дѣтская увѣренность, что и у сосѣда такъ же свѣтло на душѣ, какъ и у тебя, что и ему тоже хочется, въ отвѣтъ на услышанный зовъ, вмѣстѣ съ хоромъ воскликнуть: «Благослови, душе моя, Господа!»

Хорошо чувствовалось и на урокахъ у милого о. діакона. Онъ, спасибо ему, не выбивался изъ силъ, чтобы и на русскомъ и въ особенности на славянскомъ языкѣ доказать намъ, что Христосъ-Исусъ есть, дѣйствительно, обѣтованный Мессія, Сынъ Божій, и что Онъ, страдавшій и умершій за насъ на крестѣ, воистину воскресъ въ третій день. Радостно было сознавать, что въ эти святые истины онъ также спокойно вѣровалъ, какъ вѣровали и мы, дѣти, и не могли не вѣровать, потому что разъ навсегда повѣрили на слово родной матери, всю любящую душу вылившей въ этомъ святомъ словѣ.

И дорогой нашъ отецъ діаконъ чувствовалъ это отзывчивымъ своимъ сердцемъ; онъ вмѣстѣ со смѣнившимъ его потомъ духовникомъ-законоучителемъ рассказали намъ Священную исторію, объяснили прекрасныя, возвышающія молящуюся душу, богослу-

женія Православной Церкви и, растолковавши краткій катехизисъ Филарета, показали намъ, какова наша вѣра. Этимъ немногимъ они ограничили свой учебный курсъ и украсили свѣтомъ разумѣнія прочный религіозный фундаментъ, заложенный семьями въ нашихъ дѣтскихъ сердцахъ.

Большинство законоучителей того времени религіозно-нравственное воздѣйствіе свое на воспитанниковъ утверждало на чувствахъ добрыхъ и на чистыхъ помыслахъ. Сухости и суровости не было въ словѣ и отношеніи служителей Церкви Христовой даже къ невѣрію или слабовѣрію воспитываемыхъ; обращенное къ послѣднимъ слово законоучителя-настыря бывало словомъ скорби и жалости, а не возмущенія и угрозъ. Христіанская любовь и снисхожденіе свѣтились во всей постановкѣ религіознаго наставленія; чувствовалось, что преподають въ самомъ дѣлѣ Божій Законъ, и въ дѣтскихъ душахъ, дѣйствительно, создавалось надлежащее настроеніе. Вспоминаю эпизодъ, навсегда запечатлѣвшійся въ моей памяти. Индифферентный къ религіи ученикъ VI класса съ плохо маскированнымъ отѣнкомъ ироніи отвѣчалъ урокъ. Законоучитель прервалъ его замѣчаніемъ. «Горемыка ты: не мать тебя родила, портной тебя скроилъ!» И только. Ни кары, ни риторическихъ буръ и вулкановъ. А между тѣмъ юноша сразу смолкъ и сконфуженно оглядывался по сторонамъ. На лицахъ нашихъ онъ прочелъ то, что подобало прочесть ему. Такіе приемы заставляли задумываться и ярче, чѣмъ молніи обличительныхъ грозъ, озаряли иной разъ путь къ просвѣщенію и любви.

Надо замѣтить при этомъ, что такъ велось дѣло въ тѣ времена, когда юношество было мягкосердечнѣе, интересовалось высокими идеалами нравственности и не такъ ужъ нуждалось въ наученіи любви христіанской. Очевидно, въ наши дни, когда грубость нравовъ прогрессируетъ, когда повѣствованіе о нравственныхъ идеалахъ вызываетъ нерѣдко улыбку на юныхъ устахъ, когда христіанская любовь сплошь и рядомъ уступаетъ мѣсто сухому себялюбію, когда, наконецъ, религіозный индифферентизмъ, граничащій съ полнымъ невѣріемъ, черпается дѣтми часто въ родной семьѣ, добрые приемы недавней старины, оправданные жизнью, слѣдовало бы хранить, какъ зеницу ока.

Спустя болѣе 20 лѣтъ по окончаніи курса военной гимназіи, намъ вновь довелось тѣсно соприкоснуться съ жизнью средней военной школы, преобразованной уже въ кадетскій корпусъ.

Въ то время дѣйствовали программы 1889 г. Общія указанія

къ програмѣ Закона Божія рисовали такую картину постановки дѣла, которая не оставляла желать ничего лучшаго. Мы приведемъ выдержки изъ относящейся къ этому періоду инструкціи для преподаванія учебныхъ предметовъ въ кадетскихъ корпусахъ.

Имѣя своею цѣлью наставленіе учениковъ въ истинахъ православной вѣры и правилахъ христіанской нравственности, преподаваніе Закона Божія должно быть такъ поставлено, чтобы «боготворенныя истины воспринимались сердцами учащихся, пробуждая въ нихъ соотвѣтствующія чувствованія», и въ этихъ видахъ преподаваніе должно «постоянно обращаться къ сердцу, какъ слово пастыря, имѣющее въ виду не одно разъясненіе рассказаннаго или прочитаннаго, но преимущественно возбужденіе сердечнаго расположенія къ слушаемому». Сообразно съ этимъ, «уроки Закона Божія не должны быть разграничиваемы на такіе рѣзко обозначенные отдѣлы, какіе возможны и цѣлесообразны въ другихъ предметахъ».

Таковы были прекрасныя предположенія; дѣйствительность же оказалась печальной. Въ классной жизни пришлось замѣтить рѣзкую перемѣну по сравненію съ тѣмъ, что хранила память о прошломъ. На кафедрѣ рѣдко встрѣчался пастырь-наставникъ, чаще же «преподаватель закона Божія». Не слишкомъ яркій и грѣбущій свѣтъ лился съ кафедры, а надъ ученическими партами царили сумерки, склонявшіеся къ вечерней темнотѣ. Отношенія между законоучителемъ и воспитанниками оказывались настолько неудовлетворительными, что лучше будетъ сказать—ихъ вовсе не было. Прогрессъ пришлось замѣтить только въ одномъ: программа значительно разрослась, время же для преподаванія осталось прежнее—2 часа въ недѣлю въ каждомъ классѣ. Это облегчило возможность объяснить тяжелую перемѣну.

Курсъ Закона Божія заключалъ чрезмѣрный запасъ религіозныхъ знаній для ученика средне-учебнаго заведенія, не подготовляющаго будущихъ богослововъ. Чтобы успѣть пройти все указанное, законоучитель вынужденъ былъ задавать на внѣклассное изученіе пространные уроки, содержаніе которыхъ по недостатку времени оставалось мало разъясненнымъ и иллюстрированнымъ. Значительное количество текстовъ изъ Св. Писанія и пѣснопѣній, входящихъ въ составъ церковныхъ службъ, требовалось заучивать наизусть; знаніе урока по Закону Божію провѣрялось такъ-же, какъ и знаніе урока изъ геометріи или естественной исторіи: такая же единица, какая свидѣтельствовала о незнаніи заданнаго изъ геоме-

тріи, являлась въ классномъ журналѣ показателемъ, что данный, иногда искренно религіозный мальчикъ не воспріялъ якобы извѣстнаго нравственнаго настроенія, такъ какъ не твердъ въ знаніи отмѣченной части учебника, а наряду съ тѣмъ высшая отмѣтка, полученная ученикомъ, обладающимъ большой памятью, за точную передачу урока, которымъ онъ интересовался только ради полученія отличнаго балла, являлась лицемѣрнымъ удостовѣреніемъ пережитаго имъ высокаго религіознаго настроенія, въ дѣйствительности чуждаго его индифферентному сердцу.

Законъ Божій сталъ такимъ образомъ въ общій рядъ учебныхъ предметовъ, даже въ ту часть ряда, гдѣ сгруппированы наиболѣе трудные, возбуждающіе въ изучающихъ страхъ, парализующій любознательность и мѣшающій явиться любви къ преподаваемымъ знаніямъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ наставленіе въ вѣрѣ не могло совершаться такъ, какъ то намѣчалось руководящими указаніями.

Намъ представлялось очевиднымъ, что была упущена изъ виду та особенность преподаванія Закона Божія, что усвоеніе учебнаго матеріала, требующее преимущественно работы ума, отстываетъ на второй планъ, давая первое мѣсто наставленію законоучителя, создающему надлежащее настроеніе и чувство. Это соображеніе неминуемо выдвигаетъ слѣдующія условія, соблюденіе которыхъ способствуетъ достиженію цѣли преподаванія Закона Божія: 1) возможное сокращеніе программы, 2) уменьшеніе до крайняго минимума того, что должно быть заучено воспитанниками наизусть и, 3) перенесеніе всей работы въ классъ, на урокъ, для того, чтобы такая работа совершалась подъ непрестаннымъ благожелательнымъ и предупреждающимъ ошибки ученика руководствомъ духовнаго наставника. Существенно въ этой работѣ не то, что вросетъ въ сердце дитяти или юноши. Драгоценнѣе тотъ шагъ впередъ по пути укрѣпленія религіознаго чувства и нравственнаго совершенствованія, который ученикъ сдѣлаетъ въ бесѣдѣ съ духовникомъ-учителемъ, а не матеріалъ знаній, давшій поводъ сдѣлать самый шагъ. Какъ собрана канва мыслей и фактовъ, положенныхъ въ основу духовной бесѣды,—вопросъ второстепенный; матеріалъ могъ быть почерпнуть изъ книгъ Св. Писанія, изъ твореній св. отцовъ Церкви или изъ круга обыденной жизни—это безразлично; но если затѣмъ воспитываемые будутъ увлечены живою и искреннею бесѣдой, въ которой не найдется мѣста страху обнаружить ошибку невѣдѣнія или недостаточной полноты разу-

мѣнія, въ сердцахъ учениковъ, дѣйствительно, станутъ создаваться на урокахъ Закона Божія тѣ духовныя настроенія, которыя накопятся въ душѣ каждаго изъ нихъ драгоцѣнный капиталъ религіознаго достоянія. Только въ такой обстановкѣ законоучитель найдеть возможность обнаружить, что иного юношу волнуютъ сомнѣнія, что онъ нуждается въ умиротворяющемъ наставленіи учителя-пастыря, и поможетъ нуждающемуся.

Приведенныя мысли побудили насъ въ 1904—5 учебномъ году возбудить надлежащимъ путемъ вопросъ о назрѣвшей и желательной реформѣ въ организаціи дѣла преподаванія Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ. Предположенія наши сводились къ слѣдующему: 1) урокъ Закона Божія долженъ быть духовно-нравственной бесѣдой учителя-пастыря съ дѣтьми и юношами; 2) матеріаломъ для бесѣды должно служить прочитанное изъ книгъ духовнаго содержанія; 3) заданіе урока на внѣклассное изученіе можетъ быть допущено только послѣ тщательнаго его разбора и объясненія и въ случаяхъ особой необходимости; 4) заучиваніе наизусть необходимо только по отношенію къ тому, что приобрѣтается для повседнежнаго воспоминанія (молитвы); 5) програма курса должна быть значительно сокращена, чтобы изученіе и повѣрка знаній, ею предусматриваемыхъ, не заслоняли главнѣйшей задачи законоучителя—наставленія и толкованій; 6) повѣрка знаній должна касаться преимущественно того, что изъяснено и преподано наставникомъ, а не историческихъ свѣдѣній и знаній подобнаго порядка, и 7) оцѣнка баллами прочности усвоенія воспитанниками основаній вѣроученія, при намѣченномъ руководящими указаніями характерѣ преподаванія, должна быть признана мало умѣстной; если же вопреки приведеннымъ соображеніямъ отмѣтка (одна въ концѣ года) по Закону Божию все же необходима, какъ неизбѣжный и общепринятый въ школахъ показатель, то ея несообразный со святостью и духомъ вѣроученія карательный признакъ необходимо смягчить по крайней мѣрѣ тѣмъ, что для оцѣнки пользоваться баллами двузначными.

Мысли эти предложены были вниманію весьма многолюднаго совѣщанія, которое во всякомъ случаѣ признало постановку преподаванія въ корпусахъ Закона Божія неудовлетворительной и требующей существенныхъ преобразованій. Дальнѣйшая судьба вопроса намъ неизвѣстна.

Только что вышедшій въ февралѣ текущаго года циркуляръ Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній приподнял надъ

нимъ завѣсу. Въ циркулярѣ этомъ, дополняющемъ новую програму Закона Божія, намъ удалось замѣтить крохи немногихъ изъ высказанныхъ нами мыслей, затерявшіяся въ рядѣ указаній. Какъ самая програма, такъ и циркуляръ, не только не предусматриваютъ сокращеній курса, но, наоборотъ, вносятъ въ него значительныя добавки, не увеличивая учебнаго времени. Особенно суровою неумолимостью отличаются руководящія указанія циркуляра. Плѣнительныя особенности православія — голубиная непорочность искренней вѣры, вдохновенная любовь къ Богу и ближнему, смиреніе и незлобіе, внушающія молитву о заблудшемъ и грѣшникѣ, величественное безкорыстіе, влекущее къ самопожертвованному положенію души за други своя—омрачены и заслонены въ немъ обидной для вѣрующей души неумѣстностью стараній доказать дѣтямъ святая истины, уже воспринятыя ихъ вѣрою и только вѣрою воспринимаемая, сухимъ утилитаризмомъ и проч. Попадаются, наконецъ, оговорки и противорѣчія.

Указывая на эти тягостныя особенности, приданныя теперь преподаванію Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ, мы воздержимся отъ ихъ изслѣдованія, предоставляя такую задачу специалистамъ, и остановимся лишь на сопоставленіи времени, отведеннаго на прохожденіе курса, съ размѣрами его содержанія, очерченнаго програмою и предусмотрѣннаго руководящими указаніями. При такомъ сопоставленіи мы отмѣтимъ запасъ учебнаго матеріала, добавленнаго для преподаванія въ настоящее время сверхъ програмы военныхъ гимназій. Этотъ приѣмъ представляется намъ цѣлесообразнымъ въ виду того, что съ одной стороны число уроковъ Закона Божія въ курсѣ кадетскаго корпуса такое же— 2 часа въ недѣлю въ каждомъ классѣ, какое было и въ военной гимназій, причемъ послѣдняя достигла весьма успѣшныхъ результатовъ; съ другой же стороны составъ свѣдѣній, необходимыхъ для внесенія въ учебный курсъ средней школы по предмету Закона Божія, не подверженъ нарастанію, вслѣдствіе прогресса въ наукѣ, что, наоборотъ, составляетъ неизбѣжную особенность другихъ предметовъ преподаванія.

Замѣтимъ ранѣе всего, что новая програма удерживаетъ въ курсѣ корпусовъ исторію Церкви, не предусматривавшуюся програмою военныхъ гимназій до 1882 года. Размѣръ этого увеличенія учебнаго матеріала станетъ нагляднымъ, если принять во вниманіе, что до сего времени изученіе церковной исторіи занимало безъ малаго два учебныхъ года—VI и VII классы. Уже одно это

обстоятельство не могло не отразиться весьма ощутительно на времени, остающемся въ распоряженіи законоучителя для пастырской бесѣды съ воспитанниками; тѣмъ не менѣе новая програма и дополняющій ее циркуляръ перечисляютъ рядъ и другихъ сложныхъ добавленій.

На первомъ ихъ планѣ оказывается объяснительное чтеніе новозавѣтныхъ священныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ: оно отнесено къ курсамъ VII, VI и V классовъ и на него должно быть здѣсь удѣлено по одному уроку въ недѣлю, проще говоря, половина времени трехъ учебныхъ лѣтъ. Это нововведеніе представляетъ собой увеличеніе полного корпуснаго курса Закона Божія болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{2}$ часть его размѣра, комкаетъ всю классную работу въ трехъ старшихъ классахъ и ставитъ законоучителя въ безвыходное положеніе, такъ какъ толково выполнить учебную програму при остающемся одномъ недѣльномъ часѣ онъ, очевидно, не можетъ.

Ж. Поповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

